

Александр БАБИЧ

Отряд, который себя убил

Ещё несколько месяцев назад сложно было предположить, что мои знания, связанные с историей подполья и партизанского движения, могут оказаться почти прикладными. Никогда не думал, что опыт, наработанный в подземных экспедициях и усугублённый архивным поиском, понадобится для чего-то, кроме краеведческих и исторических изысканий. С твёрдой уверенностью, что всё-таки применять эти знания на практике не придёт, поговорим снова о партизанах Одессы первого этапа той войны.

На сегодня нам, безусловно, известно, что, уходя из Одессы 16 октября 1941 года, советские органы (партийные и НКВД) оставили в катакомбах как минимум четыре группы.

1. Отряд Афанасия Клименко в Нерубайских каменоломнях. Традиционно о нём писали, как о резидентуре под руководством В.А. Молодцова (Бадаева).

2. Группу Лазарева — Горбеля, которая ушла в шахты с. Усатово.

3. Группу А.Ф. Солдатенко (катакомба на Дальницкой).

4. Спецгруппу НКВД Кузнецова — Калошина (старые каменоломни Молдаванки).

О первых двух партизанских подразделениях достаточно много написано в советской историографии. В городе и окрестных сёлах стоят памятники им. Достаточно подробно я написал о них в своей книге "Отряд".

О группе Солдатенко есть отдельная телевизионная программа А. Красножона, где нам удалось достаточно подробно проследить её судьбу и причины гибели.

А вот о судьбе сотрудников НКВД, которые вошли в спецгруппу Кузнецова — Калошина, до недавнего времени не было известно ничего. Даже их родственникам. Даже самим сотрудникам одесского управления СБУ. Хотя для понимания того, что случилось в одесских катакомбах в 1941 — 1942 годах, достаточно было опубликовать всего один документ. И сразу же много вопросов было бы снято. И ещё одна страница одесской истории была бы открыта. Вот эти мы и сделаем.

Этот документ хранится в Центральном архиве СБУ Украины. Сухой акт результата служебного расследования, которое было проведено сразу после освобождения Одессы от немецко-румынских войск в 1944 году. Именно с этой целью в город сразу за советскими войсками зашли несколько сотрудников НКГБ. В результате их работы под землёй, допросов свидетелей и предателей, работы с уцелевшими дневниками бойцов этой группы и были сделаны эти выводы.

Цитирую с небольшими сокращениями и комментариями (орфография сохранена):

Совершенно секретно

экз. № 1

"УТВЕРЖДАЮ"

П.п. ЗАМ НАРОДНОГО КОМИССАРА

ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СССР

комиссар госбезопасности

2 ранга КОБУЛОВ

" " июля 1944 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гор. Москва, 1944 г., июля " " дня.

Я, заместитель начальника следственного отделения 7 отдела Управления НКГБ СССР капитан госбезопасности АНТОНОВ, рассмотрев материалы расследования по делу резидентуры НКГБ СССР, оставленной на осаждение в Одессе на период оккупации города противником —

НАШЕЛ:

Произведённым на месте расследованием путём допроса свидетелей и предателя МОЛУКАЛО Н.З., а также изъятыми из катакомб дневниками, актами и приказами по резидентуре, официальными сообщениями в румынской печати и предсмертными письмами участников резидентуры установлено следующее:

В июле 1941 года НКВД СССР была направлена в гор. Одессу группа работников центрального аппарата во главе с начальником отделения майором госбезопасности КАЛОШИНЫМ Владимиром Антоновичем для организации подпольной резидентуры и проведения разведывательной и диверсионно-террористической работы на случай оккупации Одессы противником.

В руководящий состав резидентуры кроме КАЛОШИНА входили:

1. Зам.нач.отделения резервзначения НКВД СССР капитан госбезопасности ПШЕНИЧНЫЙ Павел Петрович,

2. Оперуполномоченный НКВД СССР — старший лейтенант госбезопасности КОЛЬЦОВ Василий Фёдорович,

3. Оперуполномоченный НКВД СССР капитан госбезопасности ГОНЧАРОВ Митрофан Фёдорович.

4. Негласный сотрудник НКВД СССР АБРАМОВ Николай Фёдорович,

5. Негласный сотрудник НКВД СССР ПАЩЕНКО Трофим Ефимович

В подпольный аппарат резидентуры КАЛОШИНА вошли 26 сотрудников 3 спецотдела УНКВД по Одесской области во главе с начальником 3 Спецотдела УНКВД Одесской области КУЗНЕЦОВЫМ Всеволодом Александровичем в составе:

1. ПОЛЬЩИКОВА Василия Михайловича — начальника отделения 3 Спецотдела Одесского УНКВД.

2. ШИРОКОВА Александра Николаевича — начальника отделения 3 Спецотдела Одесского УНКВД.

3. КОВАЛЬЧУК Агафьи Фёдоровны — разведчицы 3 Спецотдела.

4. ЛИТВИНОВА Василия Сидоровича — шофёра — разведчика 3 Спецотдела Одесского УНКВД.

5. ГЛУЩЕНКО Александра Яковлевича — коменданта конспиративной квартиры 3 Спецотдела Одесского УНКВД

6. КОРОТЫНСКОГО Ивана Ивановича, пом. оперуполномоченного 3 Спецотдела Одесского УНКВД

7. СЛОВЕЦКОГО Владимира Леонтьевича, разведчика 1 категории 3 Спецотдела Одесского УНКВД

8. ОСИПЧУКА Георгия Васильевича, оперуполномоченного 3 Спецотдела УНКВД.

9. ТКАЧЕНКО Григория Федотовича — разведчика 1 категории 3 Спецотдела Одесского УНКВД.

10. БРАВИНСКОГО Ивана Яковлевича, разведчика 1 категории 3 Спецотдела Одесского УНКВД.

11. ГОНЧАРЕНКО Ивана Михайловича — разведчика 1 категории 3 Спецотдела Одесского УНКВД

12. МОЛОЧНОГО Ивана Михайловича — разведчика 1 категории 3 Спецотдела Одесского УНКВД

13. МЕЛЬНИКА Александра Тимофеевича — пом.нач. группы разведки 3 Спецотдела Одесского УНКВД.

14. СЕМЕРЮНИК Евгении Андреевны — разведчицы II категории 3 Спецотдела Одесского УНКВД

15. БРЕЗИНСКОГО Владимира Георгиевича — ст. разведчика 3 Спецотдела Одесского УНКВД.

16. МЕЛЬНИКА Филиппа Николаевича — разведчика II категории 3 Спецотдела Одесского УНКВД

17. ПРОХОРЦЕВА Михаила Лукьяновича, разведчика I категории 3 Спецотдела Одесского УНКВД

18. АВРАМЕНКО Константина Андреевича — разведчика I категории 3 Спецотдела Одесского УНКВД

19. КУТАРЕВА Николая Павловича — разведчика II категории 3 Спецотдела Одесского УНКВД

20. КУЛЬЧЕНКО Николая Январовича, ст.разведчика 3 Спецотдела Одесского УНКВД

21. СТРЕЛЬНИКОВА Григория Михайловича, разведчика II категории 3 Спецотдела Одесского УНКВД

22. ИВАЩЕНКО Андрея Петровича — ст.разведчика 3 Спецотдела Одесского УНКВД

23. МОЛУКАЛО Николая Зеноновича — разведчика I категории 3 Спецотдела Одесского УНКВД

24. ТЕЛКОВА Дмитрия Григорьевича — разведчика I категории 3 Спецотдела Одесского УНКВД

25. ГОЛЯНТ Дмитрия Игнатьевича — разведчика I категории 3 Спецотдела Одесского УНКВД.

Организационная работа и подготовка материальной базы для резидентуры производилась УНКВД по Одесской области в период августа, сентября и первой половины октября 1941 года.

За это время в катакомбы было завезено различного продовольствия на 6 месяцев из расчёта на 19 человек, а также необходимое вооружение — автоматы, пистолеты, гранаты, боеприпасы и рация.

В связи с приближением к Одессе немецко-румынских войск 15 октября 1941 года в одесские катакомбы близ Зеркальной фабрики по ул. Фрунзе, спустились 19 участников резидентуры, в числе которых была вся московская группа и... 13 сотрудников УНКВД по Одесской области...

...Остальные 13 сотрудников УНКВД по Одесской области под руководством пом.нач. группы разведки 3 спецотдела МЕЛЬНИКА А.Т. были оставлены в городе для ведения разведывательной и диверсионно-террористической работы.

Для поддержания связи с наружной группой КУЗНЕЦОВЫМ В.А. была назначена сотрудница 3 спецотдела УНКВД по Одесской области СЕМЕРЮНИК.

С СЕМЕРЮНИК было обусловлено, что она на второй день после прихода немецко-румынских войск через колодец шахты должна спустить в катакомбы донесение о положении в городе.

Однако СЕМЕРЮНИК струсил, задание не выполнила и после оккупации Одессы выдала румынам всю резидентуру, после чего 28 ноября 1941 года была завербована сигуранцей.

По доносам СЕМЕРЮНИК в период с 28 ноября по 15 декабря 1941 года сигуранцей была арестована вся наружная группа и 4 июня 1942 года румынским военно-полевым судом из числа этой группы были осуждены к смертной казни:

1. МЕЛЬНИК А.Т.
2. БРИЗИНСКИЙ В.Г.
3. КУЛЬЧЕНКО Н.Я.
4. СТРЕЛЬНИКОВ Г.М.
5. ГОЛЯНТ Д.И.
6. КУТАРЕВ Н.П.
7. ИВАЩЕНКО А.П.
8. ТЕЛКОВ Д.Г.
9. МЕЛЬНИК Ф.Н.

(См. "Одесскую газету" от 4.06.1942 года, № 91, где опубликовано решение румынского в.-пол. суда, — прим. авт.)

Переноса пытки и жестокие избиения в стенах сигуранцы, участники внешней группы резидентуры проявили мужество и стойкость.

Об их поведении в сигуранце в своём предсмертном письме СТРЕЛЬНИКОВ Г.М. 21.06.1942 года писал:

"...Вот люди, которые достойны своей Родины, которые умирают в вере в нашу победу, как герои: МЕЛЬНИК Александр, КУЛЬЧЕНКО Николай, МЕЛЬНИК Филипп, ГОЛЯНТ Дмитрий, СТРЕЛЬНИКОВ Георгий"

И далее о себе:

"Товарищи! Я умираю как герой, ни пытки, ни побои не смогли меня сломить. Я верю в нашу победу, в наше будущее".

(Эти бойцы были расстреляны на Стрельбищном поле Одессы, — прим. авт.)

Остальные участники наружной группы резидентуры ПРОХОРЦЕВ М.Л., АВРАМЕНКО К.А. и МОЛУКАЛО Н.З. были перевербованы румынами и вместе с СЕМЕРЮНИК вели предательскую работу по выдаче румынам подпольной резидентуры, находившейся в катакомбах.

Предательство СЕМЕРЮНИК, ПРОХОРЦЕВА, АВРАМЕНКО и МОЛУКАЛО подтверждается предсмертными письмами расстрелянных румынами ГОРДИЕНКО Якова Яковлевича — руководителя молодёжной террористической группы в резидентуре МОЛОДЦОВА и СТРЕЛЬНИКОВА Г.М. — участника наружной группы резидентуры КАЛОШИНА дневниками СЛОВЕЦКОГО И ГЛУЩЕНКО.

Кроме того о предательской работе СЕМЕРЮНИК показал арестованный МОЛУКАЛО.

В предсмертном письме, адресованном из тюрьмы своим друзьям СТРЕЛЬНИКОВ Г.М. указывал:

"Среди нас оказались предатели, фашистские псы, которые жаждали крови и продавали всю группу. Вот они: СЕМЕРЮНИК Евгений — главарь, МОЛУКАЛО Николай, АВРАМЕНКО Константин и ПРОХОРЦЕВ Михаил".

В связи с предательством СЕМЕРЮНИК, КАЛОШИНА и КУЗНЕЦОВ, оставшись без связи и не зная действительного положения в городе, решили вместе с другими участниками резидентуры произвести вылазку из катакомб в целях разведки и получения "языка".

Однако при попытке осуществить это решение было установлено, что часть выходов из катакомб замурована, а уцелевшие выходы охраняются румынскими войсками.

Тогда КУЗНЕЦОВЫМ было принято решение разгромить румынский пост у шахты около Зеркальной фабрики.

Во время столкновения у выхода из катакомб 13 ноября 1941 года, группой во главе с КУЗНЕЦОВЫМ было убито 10 румынских солдат. Из участников резидентуры в этой схватке погиб ОСИПЧУК Григорий Васильевич. Выйти же из катакомб и установить связь с городом никому не удалось. Лишь 15 декабря 1941 года, т.е. через два месяца после оккупации румынами Одессы впервые явилась на связь СЕМЕРЮНИК Евгения, которая в переданной через трубу записке известила КУЗНЕЦОВА о том, что по улице ходит румынский патруль и потому она ждать не может, а придет на явку в следующий день. С этого дня установилась регулярная "связь" резидентуры с СЕМЕРЮНИК. В своих донесениях СЕМЕРЮНИК сообщала в катакомбы, что

в городе спокойно, румыны, якобы, блокаду выходов сняли, и предлагала резидентуре выйти наружу для активизации работы против оккупантов.

СЕМЕРЮНИК была заподозрена в дезинформации и через неё завязалась "игра" с румынской разведкой.

В результате удачной "игры" резидентуре КАЛОШИНА 17 марта 1942 года удалось заманить в катакомбы СЕМЕРЮНИК, ПРОХОРЦЕВА И АВРАМЕНКО, которые на допросах сознались в сотрудничестве с сигуранцей и выдаче румынам всей внешней группы резидентуры.

Все три предателя — СЕМЕРЮНИК, ПРОХОРЦЕВ И АВРАМЕНКО 22 марта 1942 года в катакомбах были расстреляны.

(Перед тем, как их расстреляли, свои их долго и жёстко допрашивали. Это стало известно из дневника одного из бойцов группы, — прим. авт.)

С первых дней пребывания в катакомбах, в результате стремлений бывшего нач. 3 спецотдела УНКВД по Одесской области КУЗНЕЦОВА занять руководящую роль в резидентуре, между КАЛОШИНЫМ и КУЗНЕЦОВЫМ возникла беспринципная вражда, которая усиливалась с каждым днём.

Имея поддержку со стороны бывших у него в подчинении сотрудников 3-го спецотдела, численность которых превосходила московскую группу, КУЗНЕЦОВ отстранил от руководства работой КАЛОШИНА и поставил всю московскую группу в тяжелейшие условия, необоснованно её подозревая в личной к нему ненависти, установил за московскими работниками слежку и ухудшил их питание.

Попытки КАЛОШИНА разрядить созданную КУЗНЕЦОВЫМ напряжённую атмосферу, к положительным результатам не привели.

(Из некоторых источников стало известно, что эта вражда началась ещё до спуска под землю — в октябре 1941 года. И к разрешению этого конфликта привлеклась даже В.А. Молодцов. Но он не смог снять возникшее напряжение. После оккупации города связи между их группами уже фактически не было, — прим. авт.)

По приказанию КУЗНЕЦОВА, вся группа работников Наркомата, находившаяся в катакомбах, была расставлена на различные посты и под предлогом имевшего, якобы, место заговора с их стороны против КУЗНЕЦОВА, все они были арестованы.

В июле 1942 года АБРАМОВ Н.Ф. был оправдан и из под стражи освобождён, а все остальные сотрудники Наркомата КАЛОШИНА В.А., ПШЕНИЧНЫЙ Л.П., ГОНЧАРОВ М.Ф., КОЛЬЦОВ В.Ф. И ПАЩЕНКО Т.Е. были расстреляны, как заговорщики против КУЗНЕЦОВА.

28 августа 1942 года за подозрение хищения одной булки и сухарей, по приказу КУЗНЕЦОВА, был расстрелян МОЛОЧНЫЙ И.М.

27 сентября 1942 г. по приказу КУЗНЕЦОВА, были расстреляны ПОЛЬЩИКОВ В.М. и КОВАЛЬЧУК Анисья "за хищение продуктов и половую распущенность", выразившуюся в том, что у КОВАЛЬЧУК от ПОЛЬЩИКОВА родился ребёнок, который умер через 3 часа.

(Ребёнок был зачат и выношен под землёй. Точно известно, что у Аси Ковальчук за эти месяцы не было ни единой возможности увидеть солнечный свет, — прим. авт.)

По подозрению в заговоре против себя, КУЗНЕЦОВ с участием ЛИТВИНОВА, 21 октября 1942 года расстрелял в катакомбах ещё пять человек:

1. ШИРОКОВА А.Н.
2. СЛОВЕЦКОГО В.Л.
3. КОРОТЫНСКОГО И.И.
4. БРАВИНСКОГО И.Я.
5. ГОНЧАРЕНКО И.М.

В тот же день, т.е. 21 октября 1942 года, единственный оставшийся из московской группы, АБРАМОВ Н.Ф., возмущаясь поведением КУЗНЕЦОВА, застрелил его двумя выстрелами в висок, а ГЛУЩЕНКО по указанию АБРАМОВА застрелил помощника КУЗНЕЦОВА — ЛИТВИНОВА В.С.

К этому времени в катакомбах остались в живых только АБРАМОВ и ГЛУЩЕНКО, т.к. ТКАЧЕНКО Г.Ф. от тифа умер в сентябре 1942 года.

18 февраля 1943 года ГЛУЩЕНКО застрелил АБРАМОВА, а сам сделал выход из катакомб и 10 ноября 1943 года вышел наружу, оставив в катакомбах свой дневник и все документы резидентуры.

(Таким образом, Глущенко провёл в одиночестве под землёй 9 (!) месяцев, — прим. авт.)

Евгений ДЕМЕНОК

Лермонтов в творчестве
Олега Соколова

В день освобождения Одессы Красной Армией, т.е. 10 апреля 1944 года ГЛУЩЕНКО явился к начальнику отдела "А" УНКГБ Одесской области майору госбезопасности ША-ПОВАЛОВУ и сообщил ему о судьбе резидентуры КАЛОШИНА.

12 апреля 1944 года ГЛУЩЕНКО в сопровождении группы бойцов Красной Армии был направлен в катакомбы для изъятия оставленных там документов резидентуры.

После обнаружения и передачи бойцам указанных документов ГЛУЩЕНКО А.Я. там же в катакомбах случайно подорвался гранатой и 14.04.1944 года умер в Одесской городской больнице.

(Обстоятельства гибели Александра Глущенко до сих пор вызывают массу вопросов. Исходя из тех документов, которые уже найдены в архивах, очень сложно поверить в случайность его гибели, — прим. авт.)

Оставшийся в живых из всей резидентуры КАЛОШИНА один участник внешней группы, быв. разведчик 3 спецотдела УНКВД по Одесской области МОЛУКАЛО Н.З. арестован нами 24 мая 1944 года как агент сигуранцы и передан со всеми компрометирующими его материалами в распоряжение УНКГБ Одесской области для ведения следствия.

(Молукало вскоре был расстрелян за измену Родине, — прим. авт.)

На основании изложенного
ПОЛАГАЛЫ:

1. Расследование по делу резидентуры считать законченным, материалы сдать на хранение в архив 4 управления НКГБ СССР.

2. Назначить пенсии семьям всех погибших в тылу противника членов резидентуры, за исключением предателей — СЕМЕРЮНИК Е.А., ПРОХОРЦЕВА М.Л., АВРАМЕНКО К.А. и МОЛУКАЛО Н.З.

(Как мне рассказывали родственники погибших бойцов группы Кузнецова — Калошина, семьи действительно после войны получили пенсии и медали "Партизану Отечественной войны". Но никто им так и не объяснил, что произошло с их отцами и сыновьями. В извещениях было написано кратко: "Погиб при исполнении специального задания в г. Одессе", — прим. авт.)

ЗАМ НАЧ СЛЕДСТВЕННОГО ОТДЕЛЕНИЯ 7
ОТД
4 УПРАВЛЕНИЯ НКГБ СССР капитан госбезопасности АНТОНОВ.

СОГЛАСНЫ: ЗАМ НАЧ 7 ОТДЕЛА 4 УПРАВЛЕНИЯ НКГБ СССР подполковник госбезопасности БОРИСКОВСКИЙ

НАЧАЛЬНИК 4 УПРАВЛЕНИЯ НКГБ СССР комиссар госбезопасности 3 ранга СУДОПЛАТОВ

Сразу после первого прочтения этой справки мне было сложно осознать причины произошедшего и разобраться в собственных эмоциях. Только долгая работа с их личными делами, накопление документов, работа под землёй позволили адекватно проанализировать всё, что произошло в группе Кузнецова — Калошина. Надо уразуметь, что это были обыкновенные люди со своими слабостями, страхами, боязнями и переживаниями. Кто знает, как мы вели бы себя в то время, в таких условиях и в таком окружении? Не будем их судить, но попробуем их понять. Попробуем ощутить то, что они испытывали, попробуем разобраться, почему они поступали так, а не иначе.

Мне приходилось находиться достаточно длительное время в жёстких условиях замкнутого пространства. И даже при том, что у меня и моих "коллег по несчастью" была возможность постоянно видеть солнечный свет, дышать чистым воздухом и относительно нормально питаться, напряжённость отношений между нами росла день ото дня и периодически выливалась в достаточно кровавые драки. И это при том, что у меня и условия были помягче, и коллектив побольше... А в отряде Кузнецова — Калошина всё было намного жёстче. Намного! И их никто не подбирал на совместимость, как космонавтов перед полётом. Они уходили под землю по приказу. И, как смогли, его выполняли.

Нет, мы не вправе их осуждать.

Сегодня известны почти все обстоятельства деятельности этой группы. Мне удалось отыскать и пообщаться с родственниками нескольких бойцов и получить от них довоенные фотографии ребят. В управлении СБУ Одесской области удалось создать целый стенд, посвящённый этой группе. Почти готова книга об их деятельности. Я побывал на Слободском кладбище, на могиле А. Глущенко. С точностью до нескольких метров установлено, где именно под Молдаванкой, в затопленном участке катакомб, покоятся останки 18 бойцов и командиров этого диверсионно-разведывательного подразделения. Очень хочется, чтобы однажды в Одессе появился памятник этим героям.

Михаил Юрьевич Лермонтов не бывал в Одессе. Существует красивая легенда о том, что бабушка его, Елизавета Алексеевна, привозила будущего великого поэта в Одессу ещё мальчиком, но, увы, легенда эта ничем не подтверждена. И, тем не менее, судьба Лермонтова связана с нашим городом удивительными и не очень заметными, на первый взгляд, нитями. Это, конечно же, та самая шумевшая публикация двух его стихотворений в "Одесском альманахе на 1840 год". Ставшие к сегодняшнему дню абсолютной классикой "Узник" и "Ангел" были тогда серьёзно и излишне жёстко раскритикованы Григорием Виссарионовичем Белинским в "Отечественных записках". Белинский писал о том, что "эти стихи, вероятно, принадлежат к самым первым опытам Лермонтова" и "нам, понимающим и ценящим его поэтический талант, приятно думать, что они не войдут в собрание его сочинений". Впрочем, другие критики объясняют столь необычный отзыв Белинского исключительно его нелюбовью к мистицизму и критикуют уже самого Белинского. Отзывы на альманах и опубликованные в нём стихотворения Лермонтова в других изданиях, в том числе — в "Литературной газете", кардинально противоположны — вплоть до восхищения. Разумеется, в "Одесском вестнике" от 2 марта 1840 года также опубликован положительный отзыв о стихотворениях. Ну ещё бы — Лермонтов был к тому времени всероссийской знаменитостью.

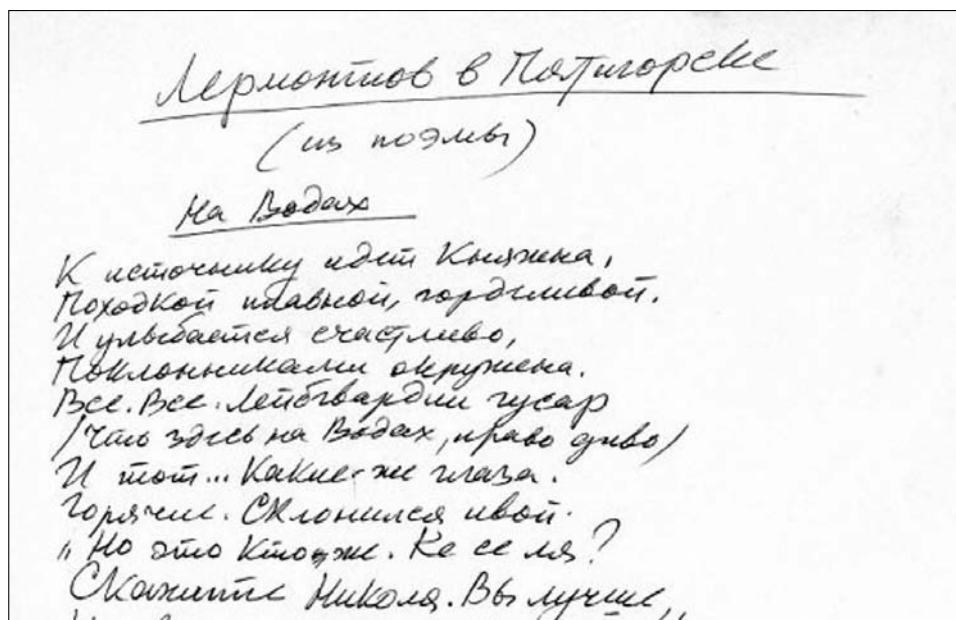
Есть ещё одна ниточка, связывающая великого поэта с нашим городом. Лев Сергеевич Пушкин. В 1842-м Лев Сергеевич переехал жить и работать в Одессу. А до этого — служил почти шесть лет на Кавказе в чине штабс-капитана, а потом и майора. По мнению Ираклия Андроникова, Лев Сергеевич познакомился с Михаилом Юрьевичем в 1837 году — в Ставрополе, Пятигорске или в доме А.Г. Чавчавадзе в Тифлисе. Оба они были участниками Галафеевской экспедиции 1840 года, вместе проводили конец 1840 года и первые дни 1841 года — в Ставрополе, в домах Граббе и Вревского. Пушкин и Лермонтов отличались остротой языка, о чём пишут А.И. Дельвиг, Э.А. Шан-Гирей и другие. Бывал Лев Сергеевич и у Лермонтова дома.

Ссора Лермонтова с Мартыновым в доме Верзилиных произошла в присутствии Льва Пушкина. Прямо в день гибели поэта, 15 июля 1841 года, буквально за несколько часов до этого, Пушкин виделся с Лермонтовым на пикнике в немецкой колонии Каррас (Шотландка) возле Пятигорска... Очевидец этих событий, некто Полевдин, в своём письме из Пятигорска в Петербург пишет: "Пушкин Лев Сергеевич, родной брат нашего бессмертного поэта, весьма убит смертью Лермонтова", он был лучший его приятель. Лермонтов > обедал в этот день с ним и прочею молодежью в Шотландке (в 6-ти верстах от Пятигорска) и не сказал ни слова о дуэли, которая должна была состояться чрез час. Пушкин уверяет, что эта дуэль никогда бы состоялась не могла, если б секунданты были не мальчики, она сделана против всех правил и чести".

В Одессе первое сообщение о смерти Михаила Юрьевича было опубликовано в 63-м номере "Одесского вестника" от 6 августа 1841 года. В статье А.С. Андреева, присланной из Пятигорска, говорилось: "15-го июля, около 5-и часов вечера, разразилась ужасная буря с молнией и громом: в это самое время, между горами Машуком и Бештау, скончался лежавший в Пятигорске М.Ю. Лермонтов. С сокрушением смотрел я на привезенное сюда бездыханное тело поэта... Кто не читал его сочинений, проникнутых тем глубоким лирическим чувством, которое находит отголосок в душе каждого?..."

21 апреля 1842 года по просьбе Елизаветы Алексеевны Арсеньевой гроб с прахом Михаила Юрьевича Лермонтова привезен из Пятигорска в Тарханы, 23 апреля прах поэта погребён в фамильном склепе в Тарханах.

Следующая ниточка — Михаил Врубель. Лучший иллюстратор Лермонтовского "Демона". "Демон" стал визитной карточкой Врубеля и во многом Лермонтова. В 1891 году именно иллюстрации Михаила Александровича к юбилейному изданию собрания сочи-

нений Михаила Юрьевича оказались на порядок лучше работ Репина, Сурикова, Васнецова, Поленова... Врубель словно чувствовал Лермонтова лучше всех. А начиналось всё... в Одессе. Осенью 1885 года сбежавший в Одессу из Киева Врубель делает первые наброски к своему знаменитому "Демону сидящему". Он жил тогда в доме номер 18 по улице Софиевской — на нём теперь установлена мемориальная доска великому художнику.

Ниточка, ведущая уже в наше время, — это Олег Аркадьевич Соколов. И в первую очередь — не его знаменитая графика, а его стихи. Литературное творчество Олега Аркадьевича Соколова — это целый пласт, исследование которого только начинается. Я не знаю в Одессе другого такого художника, чьё литературное творчество было бы так тесно связано и сопоставимо по масштабу с собственным художественным творчеством. Виктор Сергеевич Никифоров в своих воспоминаниях об Олеге Соколове писал: "Олег Соколов кроме того ещё и поэт. Некоторые, кто его знает, считают, что он даже более велик как поэт, чем как художник".

Это вполне объяснимо — писать стихи Олег Соколов начал в юности, в середине тридцатых, и поэзия всю жизнь была его спутницей.

В 1937 году, в возрасте восемнадцати лет, Олег Аркадьевич начинает писать поэму "Лермонтов в Пятигорске", отрывки из которой можно найти в нескольких рукописных сборниках стихотворений, в частности, в сборнике "Железные цветы", куда вошли стихотворения 1937 — 1945 годов. Первый отрывок, "Рассвет", датирован 1937 годом. Отрывок "На водах" — 1941 годом.

Вот строки о поэзии из письма сестре Татьяне — письмо отправлено из Тбилиси, куда Олег Аркадьевич попал после ранения, и датировано 19.8.1944 года:

"Поэзия. Она убила во мне много хорошего. Вообще поэзия — это искусство, ведущее к пропасти душевной, а нередко и к смерти. Лермонтов. Я был в Пятигорске. Ну и местечко. За мной в долгу пятигорские улицы, цветники, горы. Целую и невредимую встречу после резни мечтает Олег сестру..."

Вот дошедшие до нас отрывки из поэмы:

ЛЕРМОНТОВ В ПЯТИГОРСКЕ

(отрывок из поэмы)

НА ВОДАХ

К источнику идет княжна
Походкой плавной, горделивой
И улыбается счастливо,
Поклонниками окружена.
Все. Все. Лейб-гвардии гусар
(что здесь на водах, право, диво)
И тот... Какие же глаза
Горячие. Склонился ивой.
"Но это кто же? Ке се ля?
Скажите, Никола, Вы лучше".
Не взглянет даже. Веселят!..
.....
"Тенгинского пока поручик".
"Так это Лермонтов...
Однако".

1941.

РАССВЕТ

Хотел бы я в рассвет такой же синий
Навек покинуть свой родимый край.
Уйти куда-нибудь подальше от России,
Где мысль в плену, где правит Николай.
Где Пушкина так подло расстреляли.
И где на все легла престола тень.
Страна нужды, страна печали
И нищих срубов деревень.
Ты по апрель завалена в сугробы,
Но свят для нас твой неприятный кров.
И верно куда-то родине храним до гроба,
И за тебя пролить готовы кровь.
О Петербург, на отпуск свой короткий
К тебе вернуться, в тяжелый твой рассвет,
Где летний сад? Снег на решетках.
Мария где? Забыла или нет?
Кто знает, может, в дикой тройке
Уж кони нас, храпа, не понесут,
Кто знает, может, через Мойку,
Меня, как Пушкина, жандармы повезут.
Но день расплаты все-таки настанет,
Она придет, желанная заря.
Ты подавишь в крови одно восстание,
Но не подавишь дни другого декабря.
Тогда поднимутся голодные, босые.
Нет, не смогу я жить в чужом краю,
Нет, не смогу, ты все-таки Россия,
Я верю в гнев и молодость твою.

1937.

Судьба Лермонтова и его драма волновали Олега Соколова на протяжении всей его жизни. Лермонтов был для него если не идеалом, то очень высоким образцом — и как творца, и как человека. Это видно в последних строках раннего, военного стихотворения "Пролог":

ПРОЛОГ

Я с дьяволом вступил в торги:
"За душу, бытие в довольстве".
И стягивает быт круги,
Всё к худшему. Замечен в свойстве
Исподтишка хихикнуть, лгать,
Ходить, сутулясь,
Подбирать окурки.
И только в снах тревожит
Душу мать.
И только в снах
Я в лермонтовской бурке.

1942.

У Олега Аркадьевича есть целый ряд графических работ, посвящённых Лермонтову. На одной из них — газетная вырезка со стихотворением Беллы Ахмадулиной "Лермонтов и дитя". На другой — цитата из поэмы "Мцыри":

Но что мне в том? — пускай в раю,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдёт себе приют...
Увы! — за несколько минут
Между крутых и тёмных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

К сожалению, остальные части поэмы "Лермонтов в Пятигорске" нам пока не удалось обнаружить. Надеемся, что они сохранились и со временем поэма станет цельной — к удовлетворению поклонников творчества Олега Соколова, которых и в Одессе, и за её пределами предостаточно.